

# Глава I. Социалистический идеал

## 1. Кооперация и социализм

В истории человечества можно различить процессы двоякого рода. Одни имеют бессознательный, стихийный характер и являются непреднамеренным результатом взаимодействия множества отдельных человеческих волей. Каждый человек преследует в узкой сфере своей частной деятельности свои особые цели, защищает свои особые интересы, но и из столкновения этого множества особых целей и интересов получается нечто качественно новое, нечто такое, что не укладывается ни в какую из этих отдельных целей, ни в какой из этих отдельных интересов.

Процессы этого рода играли первенствующую роль в прошлой истории людей, особенно в истории хозяйства. Как произошла, например, великая промышленная революция, ознаменовавшая переход человечества к новой системе общественного хозяйства, капитализму? Капиталистический общественный строй возник не потому, чтобы общество убедилось в несостоятельности прежних хозяйственных форм и признало необходимость перехода к капитализму. Капитализм возник «сам собою»: множество отдельных лиц, не сговариваясь друг с другом и не думая об общественных, исторических результатах своих действий, упорно стремились построить свое частное хозяйство таким образом, чтобы оно приносило им наибольшую выгоду, и так как старые формы хозяйства оказывались стеснительными и препятствующими этим целям, то эти старые формы в конце концов рухнули, и весь строй общественного хозяйства испытал глубочайшее преобразование. Не государственная власть как определенная общественная организация и не какая-либо общественная группа как нечто объединенное общей волей создали новую систему хозяйства, но множество независимо действовавших отдельных хозяев, каждый из которых преследовал свои частные, а не общие цели.

Однако наряду с такими стихийными процессами в истории действуют и процессы принципиально иной природы, управляемые сознательной волей и мыслью человека. В развитии хозяйства процессы этого рода лишь редко приобретают первенствующее значение. Почти единственным примером новых форм хозяйственных организаций, возникших как результат сознательных усилий широких общественных групп преобразовать в определенном направлении существующую систему хозяйства, являются кооперативные предприятия.

Чтобы понять своеобразную социально-экономическую природу кооперации, нужно не упускать из виду этой ее особенности, самым резким образом отличающей кооперативные предприятия от капиталистических. Капитализм был создан стихийным развитием хозяйства, причем государственная власть, правда, содействовала этому развитию, но не создавала его в результате определенного замысла.

Напротив, кооперация возникла исторически совершенно иначе. Кооперация была раньше придумана отдельными людьми как средство преобразования существующего социально-экономического строя и лишь в непосредственной связи с этим творческим замыслом стала могучей социальной силой. В противоположность «естественному» процессу развития капитализма кооперация была создана «искусственно». Она имела своих духовных отцов и явилась в результате влияния на капиталистическое общество социалистического идеала.

Таков исторический факт, благодаря которому понимание кооперации невозможно без знакомства с социалистическим идеалом. Социализм явился как реакция против капитализма. Капиталистический строй, естественно, предполагает юридическое (а в дальнейшем своем развитии и политическое) равноправие всех членов общества. В этом существенное различие и вместе революционное значение капитализма сравнительно с более ранними системами хозяйства — рабским и крепостным. При системе рабства работник является предметом собственности владельца средств производства, он — существо в полном смысле слова бесправное. При господстве крепостничества за помещиком сохраняется право пользования трудом крепостного; политических прав крепостной совсем не имеет, а гражданские права его крайне ограничены. И только при системе капитализма работник становится в смысле как гражданских, так и политических прав таким же полноправным гражданином, как и владелец средств производства.

Однако этому полному юридическому равенству, характерному для капитализма, сопутствует в экономической области почти столь же глубокое неравенство, как и при предшествовавших системах рабского и крепостного хозяйства. Будучи лишен средств производства, пролетарий в капиталистическом обществе неизбежно попадает в экономическую зависимость от капиталиста, владельца средств производства, подобно тому, как раб находится в экономической зависимости от своего собственника, а крепостной — своего помещика. В экономической области, при господстве капиталистической системы, не только не наблюдается равенства в отношениях рабочего и капиталиста, но рабочий по-прежнему эксплуатируется собственником средств производства, как и при господстве рабского и крепостного хозяйства. Но в то время как экономическое неравенство при прежних системах общественного строя вполне соответствовало правовому мировоззрению того времени, отрицавшему равноценность человеческой личности, экономическое неравенство в системе капитализма оказывается в самом резком противоречии с правовыми воззрениями капиталистического общества, признающего равенство всех людей основой действующего права.

Сущность социализма заключается в требовании экономического равноправия всех членов общества. Социалисты утверждают, что экономический строй современного общества не соответствует правовым воззрениям нашего времени, признающего, что все члены общества имеют равные права на участие в благах культуры. Отрицание социалистами

права частной собственности вытекает из их требований экономической равноправности всех. При господстве частной собственности, говорят они, между отдельными лицами возникает экономическая борьба, в которой побеждает сильнейший; право наследства закрепляет и усиливает возникшее социальное неравенство, ведущее к эксплуатации одних общественных групп другими, и в конце концов так торжественно провозглашаемая современным правом равноправность всех оказывается пустым словом. Вот почему социализм в своем стремлении к равенству приходит к более или менее широкому отрицанию права частной собственности, иначе говоря, к требованию общности владения.

## 2. Общая классификация форм социалистического строя

В пределах социалистических построений будущего общественного строя нужно различать несколько существенно различных типов. Поэтому, чтобы правильно понять внутреннее содержание социализма как представление об определенном роде будущего общественного устройства, нужно прежде всего дать классификацию различных типов социалистического общественного строя.

Наиболее естественной является, быть может, следующая классификация:

А. Социализм в узком смысле слова	Б. Коммунизм
1) государственный (коллективизм)	1) государственный
2) синдикальный	2) коммунальный
3) коммунальный	3) анархический
4) анархический	

Основным делением социализма является деление его на социализм в узком смысле слова и коммунизм. При системе социализма в узком смысле каждому члену общества обеспечивается определенный доход при полной свободе расходования этого дохода. Предметы потребления покупаются отдельными лицами так же, как и при существующей системе хозяйства, за счет дохода данного лица. Но предметы потребления продаются не в частных лавках и магазинах (каковых не существует), а в общественных складах, ибо средства производства при системе социализма принадлежат не отдельным частным лицам, а всей общественной группе, которая при помощи коллективного труда и производит соответствующие продукты.

Таким образом, при этой системе средства производства не находятся в частной собственности отдельных лиц, но принадлежат всей общественной группе, которая и распоряжается ими по своему усмотрению. Напротив, предметы потребления переходят в частную собственность отдельного лица после того, как оно купило их за счет своего дохода. Это различие в условиях пользования средствами производства и предметами потребления проводится социализмом по следующим соображениям. Если бы было

допущено присвоение в частную собственность средств производства, то это неминуемо привело бы к экономическому неравенству и эксплуатации экономически более слабых более сильными. Поэтому социализм принципиально, не допускает присвоения в частную собственность средств производства. Последние должны быть в распоряжении всей общественной группы, которая и организует в общих интересах общественный труд. Что же касается предметов потребления, то социализм в узком смысле допускает переход их в частную собственность для того, чтобы не стеснять свободу частной жизни, предполагающую свободу выбора предметов потребления. Эта свобода распоряжения предметами потребления не приводит к нарушению принципа экономической равноправности всех, ибо каждый может приобретать предметы потребления лишь в пределах своего дохода, право на который у всех одинаковое.

Допуская свободу распоряжения своим доходом, социализм в узком смысле неизбежно предполагает сохранение многих экономических категорий современного хозяйственного строя, и прежде всего цены. Предметы потребления переходят в распоряжение отдельного лица при господстве социализма не даром, но лишь по оплате их соответственно их цене. Однако в противоположность товарным ценам нашего времени цены эти строятся не на основе борьбы заинтересованных лиц, столкновения интересов покупателей и продавцов, а свободно назначаются обществом по соображениям целесообразности.

Лица, желающие купить соответствующие предметы потребления из общественных складов, должны подчиняться этим ценам, хотя, конечно, они могут отказаться от приобретения соответствующих предметов, и в таком случае предметы эти останутся непроданными в общественных складах и не перейдут в общественное потребление.

Если предметы потребления покупаются отдельными лицами за счет дохода последних, то должны существовать в той или иной форме и деньги как покупательное средство и мерило цены. Правда, деньги в социалистическом обществе будут иметь существенно иную экономическую природу, чем в наше время: при господстве товарного производства деньгами может быть только тот или иной товар, в социалистическом же строе роль денег может играть любой условный знак или документ, выпускаемый общественным союзом. Дело может устроиться, например, следующим образом. Каждый гражданин получает чековую книжку на определенную сумму. Приобретая нужные ему предметы потребления, каждый владелец такой книжки уплачивает за них чеком. Цены продуктов (а значит, и чеки) могут быть выражены в таких же денежных единицах — рублях, марках, франках, — как и в настоящее время. Но существенная разница будет в том, что теперь рубль, марка, франк выражают собой определенное количество золота, имеют, следовательно, определенную самостоятельную ценность. При господстве же социализма рубль, марка, франк будут только чисто условными обозначениями, счетными единицами, не имеющими за собой никакого металлического обеспечения.

Чем же будут обеспечиваться чеки, выдаваемые обществом, при системе социализма? Всею совокупностью продуктов, которыми располагает общество. Современное государство должно покрывать свои бумажные деньги звонкой монетой, так как оно не располагает предметами потребления, нужными владельцам бумажных денег. Социалистическое общество не нуждается в таком обеспечении — оно является первоначальным владельцем

всех предметов потребления, изготавливаемых в его пределах, и может удовлетворить непосредственно предметами потребления всех предъявителей его чеков.

Итак, социализм предоставляет своим гражданам такую же свободу выбора предметов потребления, какая существует и в товарном хозяйстве современности. Напротив, производство предметов потребления совершенно изъемлется при господстве социализма из сферы частного хозяйства и передается обществу в его целом.

Социализм в узком смысле является, таким образом, системой денежного хозяйства (хотя в ином смысле, чем современное товарное хозяйство). Напротив, коммунизм есть система натурального хозяйства. Коммунизм тем принципиально отличается от социализма в узком смысле, что в коммунистическом обществе продукты распределяются между отдельными лицами без посредства денег в какой бы то ни было форме. Никакой купли-продажи в коммунистическом обществе не существует, и всякий потребитель получает от общества нужные ему предметы потребления даром, без всякой уплаты. Поэтому в коммунистическом обществе отсутствует категория цены, равно как и категория дохода.

Если предположить, что коммунистическое общество располагает такими мощными производительными силами, что все потребности его членов могут быть удовлетворены полностью, то коммунизм может допустить полную свободу общественного потребления: каждый член общества берет для своего потребления из общественных складов все, что ему нужно, без каких бы то ни было ограничений со стороны общества. Но подобная свобода предполагает чрезвычайно высокие размеры общественного богатства. Если общественное богатство не столь значительно, то полная свобода для каждого захватывать все, что ему нужно, неизбежно должна повести к тому, что потребности некоторых членов общества будут удовлетворены недостаточно вследствие того, что другие удовлетворяют свои потребности в большей мере. И поэтому коммунизм, если считаться с реальными условиями общественного хозяйства, неизбежно должен отказаться от предоставления каждому свободы потребления. Такая свобода заменяется при господстве коммунизма предоставлением каждому определенного количества предметов потребления известного рода.

В то время как при системе социализма каждый свободно выбирает по своему вкусу нужные ему предметы потребления, при системе коммунизма отдельные граждане получают от общества те предметы потребления, которые общество считает нужным предоставлять своим членам. Система общественного хозяйства при господстве коммунизма очень упрощается, но в ущерб свободе личного потребления.

### 3. Централистический, корпоративный, федералистический и анархический социализм

И та, и другая система социалистического хозяйства — социализм в узком смысле и коммунизм — может быть разбита на несколько подвигов соответственно большей или меньшей степени централизации общественного хозяйства. Соответственно этому социализм в узком смысле распадается на следующие подвиды: государственный социализм, синдикальный, коммунальный, анархический.

Государственным социализмом (коллективизмом) может быть назван такой строй социализма, при котором хозяйственной единицей являлось бы все государство. Средства производства принадлежат в этом случае государству в его целом, которое и организует в национальном масштабе общественное производство. Государство составляет ежегодно национальный бюджет подобно тому, как в настоящее время составляется государственный бюджет; государственная власть заранее определяет общественные потребности в различных продуктах и соответственно распределяет общественное производство, которое выполняется рабочими армиями. Каждый гражданин должен отбывать в течение определенного числа лет эту всеобщую трудовую повинность, подобно тому как в настоящее время отбывается воинская повинность. Изготовленные продукты поступают в государственные склады и покупаются частными лицами.

Все трудоспособные граждане обязаны отбывать трудовую повинность, и взамен этого им обеспечивается определенный доход. Доходом этим они распоряжаются совершенно свободно и покупают за его счет предметы потребления в государственных складах.

План коллективистического государства был впервые разработан французским социалистом Пекером<sup>2</sup> и в настоящее время привлекает к себе все более сочувствующих социалистов. Под флагом коллективизма выступают и марксисты, поскольку вообще марксисты имеют определенное представление о строе будущего общества.

Симпатии социал-демократов коллективизму объясняются тем, что только в широких рамках государства могут вполне развернуться колоссальные производительные силы, созданные капитализмом. Чем крупнее производство, тем рациональнее техника и тем большее применение получают машины. Свободно располагая своей национальной территорией и всеми миллионами рабочих, социалистическое государство может достигнуть такого огромного повышения производительности общественного труда, на которое не может рассчитывать более мелкая хозяйственная единица.

С другой стороны, предоставляя каждому свободу приобретения в государственных складах по своему выбору предметов потребления, государство не стесняет свободы частной жизни и не грозит превратиться в колоссальный рабочий дом.

По этим соображениям большинство современных социалистов склоняются в пользу коллективизма.

Синдикальным социализмом можно назвать такую форму социалистического строя, при которой средства производства принадлежали бы не всему государству как целому, но отдельным группам рабочих, работающих при помощи этих средств производства. Земледельческие рабочие являлись бы в этом случае владельцами земли, углекопы —

угольных копей, машиностроительные рабочие — механических заводов, ткачи — ткацких фабрик и т.д. и т.п. Каждая из этих групп рабочих является автономной и самоуправляющейся производительной единицей. Изготовленный продукт принадлежал бы тем рабочим, которые его произвели, и продавался бы ими за свой счет в государственных магазинах. Суммы, вырученные за продажу этих продуктов, распределяются между рабочими в пределах изготовившей эти продукты рабочей группы.

Синдикальный социализм (представителями которого были Луи Блан<sup>3</sup>, Лассаль<sup>4</sup>, теперь являются так называемые синдикалисты) неизбежно должен иметь частичный характер, так как некоторые отрасли хозяйства по самому своему существу не допускают подобной организации и должны быть в заведывании всего общества. Так, например, железные дороги не могут быть предметом полновластного распоряжения железнодорожных рабочих, ибо в правильном функционировании железных дорог заинтересовано все общество. Поэтому сторонники синдикального социализма всегда допускают, что синдикальная организация должна распространяться не на все, а лишь на некоторые отрасли хозяйства, другие же отрасли хозяйства должны быть в непосредственном заведывании государства. Продажа продуктов, изготовляемых рабочими группами согласно планам синдикального социализма, также должна быть в заведывании государства, а не автономных групп торговых посредников.

Вообще, при синдикальном социализме роль государства остается очень значительной, так как только государство может согласовывать действия различных рабочих ассоциаций и регулировать распределение между ними средств производства.

При коммунальном социализме государство совершенно исчезает или роль его сводится к очень незначительным функциям. Самым замечательным представителем коммунального социализма был Фурье<sup>5</sup>, с необычайной яркостью и отчетливостью изобразивший условия жизни социалистической общины, названной им фалангой. Фаланга складывается из нескольких сотен семейств, которые сообща владеют средствами производства, сообща работают и живут в одном общем колоссальном здании, названном Фурье фаланстером. Фаланга одновременно занята и сельскохозяйственным и промышленным трудом, Фурье мыслит ее как самодовлеющую хозяйственную организацию, мало нуждающуюся в обмене и покрывающую потребности своих членов преимущественно продуктами их собственного труда. Государство распадается на множество фаланг, каждая из которых обладает полной самостоятельностью.

Хозяйственные отношения отдельных фаланг построены на основании свободного обмена. Внутри фаланги господствует самая широкая свобода в выборе занятия и рода труда. Достигается это путем придания всякому труду возможно большей привлекательности. Труд выполняется обширными, свободно образующимися группами рабочих, в приятной и эстетической обстановке. Каждый получает за свой труд определенную плату, которую свободно расходует по своему усмотрению. Кроме того, получают особое вознаграждение капитал и талант. Вознаграждение капитала, с точки зрения Фурье, нисколько не нарушает принципа равноправности всех членов фаланги, так как в фаланге всякий может быть капиталистом: вознаграждение труда настолько обильно, благодаря чрезвычайно высокой производительности труда, что рабочему трудно потребить весь свой заработок, который и

превращается им в капитал. Кроме того, не нужно упускать из виду, что самый труд в фаланге, по представлению Фурье, является наслаждением, а не тягостным усилием, предпринимаемым ради необходимости заработать средства к жизни, как в наше время. Поэтому особое вознаграждение капитала никоим образом не может получить характера эксплуатации одних членов общества другими, как в современном обществе.

Основная идея Фурье заключается в том, что все человеческие страсти и влечения по самой своей природе содействуют общему преуспеванию и счастью. Если в настоящее время обществу приходится бороться с естественными влечениями человека, то это лишь благодаря крайней неудовлетворительности общественного устройства. Страсти и влечения суть нечто данное человеку от природы и неизменное. Напротив, устройство общества может быть изменено человеком. Поэтому не влечения человека должны быть приспособляемы к общественному устройству, а это последнее должно быть приспособляемо к человеческим влечениям и страстям.

Фаланга и представляет собой такой социальный строй, в котором все человеческие страсти, имеющие теперь разрушительный характер, вредящие обществу, получают созидательный характер, будут служить на пользу общества. Возьмем, например, то естественное влечение человека, которое более всего препятствует хозяйственным успехам современного человека, — влечение к отдыху, отвращение к хозяйственному труду, лень. Само по себе упражнение мышц и нервов, равно как и всякая другая нормальная деятельность органов нашего тела, не только не доставляет человеку страдания, но вызывает приятные ощущения. Почему же в наше время человек обычно избегает хозяйственного труда и исполняет его только под давлением внешней необходимости? Потому что в наше время обстановка хозяйственного труда неприятна и неэстетична. Если хозяйственный труд будет происходить в иной обстановке и если род труда будет свободно выбираться человеком под влиянием внутреннего влечения, то этот труд станет доставлять человеку такое наслаждение, какое современному человеку доставляют спорт и разные физические игры; разве хозяйственный труд по самой своей природе менее приятен, чем спорт? То, что теперь называют ленью, является, следовательно, не чем иным, как возмущением нашей природы против той обстановки хозяйственного труда, которая создана современным общественным устройством. В фаланге влечение к свободному, приятному труду явится стимулом небывалого напряжения труда, которое теперь достигается только во время физических игр и спорта.

Точно так же честолюбие, жажда первенства, зависть, которые теперь являются источником стольких несчастий и такой вражды между людьми, будут в фаланге только содействовать повышению производительности труда. Скупость в наше время считается отвратительным пороком и вредит хорошим отношениям между людьми. В фаланге скупость никому вредить не будет и явится полезной общественной силой как противовес чрезмерной жажде чувственных наслаждений и как стимул к накоплению капитала.

Само собою разумеется, что при гармоничном устройстве фаланги и отсутствии внутри ее каких бы то ни было элементов насилия и принуждения необходимость в особой правительственной власти совершенно отпадает, равно как и потребность в суде, полиции, войске и т. д. В фаланге нет поводов к преступлениям, ибо всякий свободно следует своим



влечениям.

Так рисует Фурье жизнь в фаланге, которая представляется ему вечным праздником, радостной и свободной игрой сил, присущих нашей природе. Государство исчезнет, исчезнут и современные города — их заменят свободные фаланги, живущие в социальных дворцах — фаланстерах.

Фурье близок к анархизму и только тем отличается от анархистов, что он считает необходимой фалангу, иначе говоря, требует определенной общественной организации труда и является противником хозяйственной независимости каждой отдельной личности. Самым выдающимся теоретиком социалистического анархизма является Прудон<sup>6</sup>. Сущность анархизма заключается в требовании полной свободы во всех областях общественной жизни, полной свободы личности, и прежде всего свободы личности от какой бы то ни было принудительной власти. Прудон в целом ряде сочинений подверг суровой критике государственное начало и пришел к выводу, что всякое государство, каков бы ни был его внутренний строй, будет ли оно основано на принципах единоличной власти кого-либо, господства привилегированного меньшинства или широких народных масс, в равной мере является организацией насилия. Предположим самое демократическое устройство государства. В этом случае власть принадлежит большинству народа. Но ведь подчинение меньшинства большинству есть такое же насилие, такой же деспотизм, как и власть меньшинства над большинством. Свобода человеческой личности протестует против всякого насилия, от кого бы оно ни исходило, от меньшинства или от большинства народа. И потому человеческая личность не может удовлетвориться до тех пор, пока она не освободится от какого бы то ни было государственного принуждения.

Государство должно исчезнуть, а хозяйственная деятельность должна свободно исполняться отдельными рабочими или группами их, причем связью между всеми отдельными производителями должно стать особое учреждение, названное Прудоном меновым или народным банком. Задача этого банка сводится к организации для производителей непосредственного обмена их продуктами. Каждый производитель или группа их доставляет в народный банк свои продукты и в обмен получает билеты банка. На эти билеты могут быть приобретены любые другие продукты, имеющиеся в банке. Таким образом может быть организован непосредственный обмен всех продуктов, производимых в пределах известной территории, причем банк возьмет на себя и организацию беспроцентного кредита. Благодаря такому кредиту каждый желающий или группа их будет получать требующиеся для производства орудия и материалы.

Народный банк упраздняет необходимость какой бы то ни было внешней принудительной организации общественного труда — общественный труд остается вполне свободным, и в то же время отдельные роды труда взаимно согласуются. Таким образом становятся возможными анархическое хозяйство и анархический общественный труд.

## 4 Централистический, федералистический и анархический КОММУНИЗМ

Этими четырьмя типами — государственным, синдикальным, коммунальным и анархическим социализмом — исчерпываются планы социалистического (в узком смысле слова) устройства общества. Что касается коммунизма, то можно различать государственный, коммунальный и анархический коммунизм. Синдикального коммунизма быть не может, так как синдикальная организация предполагает обмен продуктами, а коммунизм не допускает никакого обмена.

Планы государственного коммунизма являются наиболее древними социалистическими построениями. Такие планы мы встречаем уже у эллинских мыслителей. Знаменитая «Утопия» Томаса Мора содержит в себе очень разработанный план коммунистического государства. В новейшее время представителем государственного коммунизма был Этьен Кабе<sup>7</sup>, в социальном романе которого «Путешествие в Икарию» изображена жизнь коммунистического государства.

При коммунистическом устройстве общества распределение продуктов между отдельными гражданами происходит не при помощи денег в той или иной форме, а путем непосредственного перехода продуктов из общественных складов в руки потребителей. Поэтому отпадает необходимость назначения цен продуктов и нормирования дохода членов общества.

В «Икарии» Кабе каждый гражданин получает из общественных складов без всякой платы все ему нужное. Государство заботится об удовлетворении нужд своих граждан, предоставляя каждому (соответственно полу и возрасту) одинаковое количество предметов необходимости и удобства. Если предметов известного рода в распоряжении государства имеется слишком мало, чтобы наделить ими всех, то предметы эти совсем не производятся и их не получает никто.

В «Икарии» царят самое строгое равенство и самая строгая регламентация потребления. Все ходят (соответственно различиям пола, возраста, семейного положения) в одинаковых одеждах, живут в одинаковых квартирах, снабженных одинаковой мебелью, получают одинаковую пищу и т. д. и т. д. Во всем царит самый строгий порядок, и все подчиняется одним неизменным правилам. Всемогущее государство регулирует с начала до конца не только физическую, но и духовную жизнь своих граждан. Так как типографии принадлежат наряду с прочими средствами производства государству, то оно является и издателем книг и издает только те из книг, которые признает полезными.

Это единообразие потребления и отсутствие свободы личного выбора вместе со всемогуществом государства, подчиняющего себе всю духовную жизнь населения, составляют слабую сторону централистического коммунизма, почти не встречающего в настоящее время сторонников.

При коммунальном коммунизме хозяйственной единицей является не государство, а сравнительно небольшая община. Самым влиятельным представителем коммунального коммунизма был духовный отец кооперативного движения Роберт Оуэн<sup>8</sup>.

Оуэн был таким же решительным противником государства и насилия, как и Фурье, и для Оуэна государство подлежит уничтожению. Государство должно распасться на множество общин, вполне автономных и независимых друг от друга. Как и в фалангах Фурье, в общинах Оуэна сельское хозяйство должно соединяться с промышленным трудом. Общины эти должны возникать без малейшего принуждения с чьей бы то ни было стороны, путем добровольного вступления членов. Подобно Фурье, Оуэн представляет себе жизнь этих общин сосредоточенной в огромном центральном здании, в котором и вокруг которого должны быть сгруппированы промышленные мастерские и заводы, среди садов и полей, возделываемых членами общины. Никакой принудительной власти не должно быть места в такой общине. Даже выборное правление вызывает возражения со стороны Оуэна, и чтобы избежать последнего, наш социальный реформатор предлагает следующую организацию управления внутри общины. Все граждане делятся на возрастные группы, и каждая группа выполняет особую общественную функцию: до 20 лет граждане учатся, от 20 до 30 — заняты хозяйственным трудом в пользу общины, от тридцати до сорока — управляют внутренними делами общины, после сорока — внешними ее делами.

Так как число членов общины невелико (от 300 до 3000), то такая организация дает возможность всем гражданам в зависимости от своего возраста принимать равное участие во всех делах общины, и необходимость особого правления или правительства отпадает.

Вообще, между общинами Оуэна и фалангами Фурье замечается значительное сходство по целому ряду существенных пунктов. Тем не менее между организациями того и другого рода имеются и весьма важные различия. Прежде всего нужно помнить, что фаланги Фурье — организации социалистические, а общины Оуэна — коммунистические. Внутри фаланги распределение продукта совершается путем купли-продажи, члены фаланги получают за свой труд заработную плату да еще, кроме того, вознаграждение за талант и процент на вложенный в общее дело капитал. Величина доходов отдельных членов фаланги не одинакова, а характер общественного потребления столь же многообразен, насколько различны индивидуальные вкусы отдельных лиц. Напротив, община Оуэна имеет строго коммунистическое устройство. Всеми продуктами, производимыми общиной, владеют члены ее сообщества, и никакой продажи продуктов отдельным лицам, равно как денежного вознаграждения последних, в общине не существует. Община Оуэна представляет собой как бы большую семью, где все имеют равное право участвовать в потреблении, и потому отсутствуют какие бы то ни было определенные правила для распределения продуктов.

Но и самые цели социальных организаций Фурье и Оуэна глубоко различны. По своему духовному складу Оуэн и Фурье были величайшими антиподами и пришли к своим планам социального преобразования путем совершенно противоположным. Оуэн долгое время был чрезвычайно успешным фабрикантом; затем его внимание привлекли вопросы воспитания рабочих, преимущественно морального. Как руководитель огромного фабричного предприятия, в котором от него зависели многие сотни людей, Оуэн пришел к убеждению в пластичности человеческой природы, в ее изменчивости под влиянием изменения условий

среды. Будучи по своей духовной природе моралистом, Оуэн считал высшей целью общественного союза моральное возвышение человечества.

В течение ряда лет Оуэн пытался воспитывать в моральном отношении рабочих своей фабрики в Нью-Ланарке<sup>9</sup>. Но он не мог в конце концов не прийти к заключению, что нравственное перевоспитание человека невозможно, если социальная среда, в которой живет человек, остается неизменной. Современное общественное устройство таково, что оно препятствует развитию благородных свойств человеческой природы и поощряет все ее дурные свойства. Не удивительно, что современные люди стоят в нравственном отношении так низко. И, очевидно, никакие воспитательные учреждения не в силах улучшить природу человека, если социальная среда не будет изменена.

Вот таким путем в поисках средств нравственно возвысить человека Оуэн и пришел к мысли о необходимости глубочайшего преобразования основ современной общественной жизни. Новый тип общественного строя, проповедником которого он стал, он называл «новым нравственным миром», указывая этим, что конечные цели этого нового общественного строя заключаются в нравственном преобразовании человека. Современный строй плох потому, что он воспитывает плохого человека; оправданием же проектированной Оуэном великой социальной реформы являлось в глазах ее проповедника связанное с ней нравственное возвышение человека.

Итак, для Оуэна человеческая природа есть нечто в высшей степени пластичное и изменчивое; цель общественного преобразования заключается в изменении человеческой природы, в создании нового человека, более соответствующего нашему нравственному идеалу.

Цели общественной реформы для Фурье прямо противоположны. Фурье не только не считал самым важным общественным делом нравственное преобразование человека, но, с одной стороны, был убежден в неизменности основных свойств человеческой природы, а с другой стороны, был решительным аморалистом. Не человеческий характер должен приспособляться к общественному строю, а общественный строй должен быть приспособлен к неизменным свойствам человеческого характера. Общественное воспитание не имеет никакого смысла, ибо человеческая природа неизменна. Наилучшим общественным строем является не тот, который воспитывает наилучшего человека (как думал Оуэн), а тот, который всего более приспособлен к неизменным свойствам человека. Таким наилучшим строем казалась Фурье придуманная им организация фаланги, преимуществом которой перед всеми другими формами общественного строя являлась в глазах творца фаланги предоставляемая последней полная свобода действию всех страстей и влечений человеческой природы, ибо не существует естественных влечений вредных или безнравственных, а существуют лишь плохие формы общественного строя, делающие некоторые влечения человека вредными для общества.

Итак, Оуэн был моралистом и пришел к социальной реформе как к средству морального воспитания человечества; Фурье же был аморалистом и пришел к социальной реформе как к средству освобождения человечества от власти долга и морали. Их социальные цели по своим конечным завершениям были прямо противоположны, но конкретные планы

общественного устройства, предложенные тем и другим, имели при существенных различиях много общего.

Оуэн несомненно обладал, в гораздо большей степени, чем Фурье, тем, что называется здравым смыслом. Уже своей деятельностью в качестве руководителя огромного фабричного предприятия Нью-Ланарка он доказал свои практические таланты. Он сумел достигнуть двух вещей, почти всегда взаимно исключаящих друг друга: блестящего коммерческого успеха, выражавшегося в высоких барышах, которые его фабричное предприятие доставляло ему и его компаньонам, и существенного улучшения экономического положения занятых в его предприятии рабочих. Оуэн обладал талантом влиять на людей и подчинять их своей воле, но воля его была направлена не на личные, а на общие интересы.

Однако в то же время Оуэн отнюдь не был сильным мыслителем, и ему менее всего были свойственны в умственной области гениальность, творческий полет воображения. Он был рассудочной натурой, и таким же духом рационализма были проникнуты его планы будущего общественного устройства, вытекавшие из всеми признаваемых бесспорными посылок. Никто не отрицает высокой ценности добродетели. Вместе с тем очевидно, что благородные свойства человеческой природы не могут развиваться, если социальные условия поощряют пороки. Значит, нужно создать такие условия общественной жизни, при которых пороки не могли бы развиваться, а добродетели встречали бы опору в социальной среде.

Корнем всех пороков является, по общему мнению, себялюбие, в свою очередь проявляющееся наиболее резко в области хозяйственных интересов. Поэтому, чтобы создать добродетельного человека, нужно сделать невозможным проявление хозяйственного эгоизма.

А для этого нужно, чтобы исчезла частная собственность, чтобы человек ничего не мог называть своим — только в этом случае для развития хозяйственного эгоизма не будет почвы и хозяйственный эгоизм погаснет сам собой.

Но одного этого мало, нужно, чтобы в общественной жизни исчезли какие бы то ни было поводы к развитию дурных свойств в человеческой природе. Всякое неравенство питает зависть и вражду. Поэтому, кроме уничтожения частной собственности, необходимо уничтожить и неравенство в других областях человеческой жизни — не должно быть правительства, хотя бы и выборного, а значит, не должно быть и государства. Таким логическим путем Оуэн приходит к своим кооперативным, как он их называет, общинам, представляющим крайнее развитие коммунального коммунизма.

Весь ход мыслей Оуэна был очень последователен, и нисколько не удивительно, что отец кооперации твердо верил в разумность своего плана общественного устройства, верил настолько непоколебимо, что одно из своих сочинений он озаглавил «Попытка превратить человеческое общество из дома сумасшедших в разумный мир». Действительно, разве не «домом сумасшедших» должно было представляться рационалисту типа Оуэна современное общество, в котором признаваемые всеми высшие цели общественного союза — выработка благородных свойств человеческого характера — не только не получают осуществления, но

и попираются самым грубым образом? И разве общество, понимающее блага морали, не должно стремиться преобразовать строй своей жизни в соответствии с требованиями морали? Если же оно этого не делает, то не нарушает ли оно очевиднейшим образом своих интересов и не свидетельствует ли этим самым о своем безумии?

Слабая сторона всего этого хода мыслей заключалась, однако, в его рационалистическом основании. Добродетель, кроме порока, имеет еще одного опасного врага — скуку. Человечество может предпочитать добродетельному устройству общества менее совершенное, если последнее веселее и приятнее. Социальный строй, проектируемый Оуэном, несомненно, добродетельнее современного, но будет ли в нем интереснее жить? Если бы удалось убить все побуждения тщеславия и себялюбия, к чему так стремится Оуэн, то для многих возник бы вопрос: стоит ли жить в таком социальном монастыре? В заглавном рисунке на одном из своих изданий Оуэн дал изображение, с одной стороны, современного города, с его смешением красивых и безобразных зданий, при крайнем разнообразии условий жизни населения, и, с другой стороны, стройных, величавых социальных дворцов будущего. Этот рисунок подал повод к ироническим комментариям противников Оуэна, которые справедливо нашли, что в изображениях самого Оуэна безумный мир современности оказался гораздо живописнее и привлекательнее скучного и однообразного разумного мира будущего<sup>10</sup>.

Совсем иное Фурье и его фаланги. Если общины Оуэна слишком уж разумны и потому скучны, то фаланги Фурье представляют собой продукт самой смелой, безумной, творческой фантазии. Чего только, каких только чудес нет в этих фалангах! Ведь в фалангах совершенно отсутствует в какой бы то ни было степени долг и все исполняется только во имя непосредственного наслаждения. Фаланги не только не страдают монотонностью и скукой нравственных общин Оуэна, но в них все блестит и сияет радостью и весельем, наполняющими жизнь и отгоняющими всякую мысль о морали. Свобода страстям и смерть долгу — таков девиз фаланги.

В противность рационалисту Оуэну Фурье был величайшим фантазером. Своей мечте он доверял безгранично, до такой степени, что самым серьезным образом рассуждал о таких чудесах мира будущего, как превращение морской воды в приятный напиток вроде лимонада, как население морей будущего новыми животными, антикитами, которые с невероятной быстротой будут перевозить по океану счастливых обитателей фаланстеров, как появление в полярных областях великолепных пальм и т.д. и т. д. Фантазии Фурье заходили так далеко, что многие ставят вопрос, не был ли он попросту помешанным. Но кем бы он ни был, он был, во всяком случае, человеком гениальной мысли.

Социальный строй, основанный на полной свободе человеческих страстей, конечно, представляет собой совершенную утопию и никогда не осуществится. Нравственные общины Оуэна гораздо осуществимее, но зато фаланги Фурье привлекательнее и интереснее. Фурье поставил себе несравненно более трудную задачу, чем Оуэн: создать социальный строй, действующий без чувства долга — той социальной узды, которая ныне вводит в пределы разрушительную силу человеческих страстей. И хотя задачи этой Фурье не решил, все же самая ее постановка свидетельствует о поразительной силе его научного воображения.

Как фаланги Фурье являются организациями почти анархическими, также близки к анархизму и коммунистические общины Оуэна. Единственным отличием коммунального коммунизма от коммунистического анархизма является то, что коммунальный строй не допускает иной хозяйственной единицы, кроме общины определенного устройства, между тем как последовательный анархизм должен допускать и единоличное хозяйство. Таким последовательным коммунистическим анархистом был тот, кого можно считать первым по времени выразителем доктрины анархизма, — Годвин<sup>11</sup>. Требуя полного отсутствия какого бы то ни было принуждения, Годвин совершенно правильно отрицал необходимость общественной организации труда и потребления. Хозяйственной деятельностью могут быть заняты как группы людей, так и отдельные личности, и точно так же для потребления должна быть сохраняема полная свобода. Общественная организация потребления встречает даже несочувствие Годвина. Точно так же он враг принудительного равенства, которое положено в основу коммунистической общины Оуэна.

В общинах Оуэна не существует частной собственности на что бы то ни было, но имеется общественная собственность — община как целое является собственницей своих средств производства и всех производимых ею продуктов. Анархическое общество, как его понимал Годвин, совершенно порывает с какой бы то ни было частной или общественной собственностью. Каждый производит все, что хочет, и также свободно захватывает в свое владение все, что пожелает. Всякий может свободно взять в свое пользование продукт чужого труда, точно так же как его собственным продуктом может завладеть всякий желающий.

Эта свобода завладения всем нужным не приводит, по представлению Годвина, к всеобщей борьбе, так как Годвин предполагает, с одной стороны, чрезвычайно высокий уровень техники производства, при котором человек может своими единоличными силами создавать в изобилии нужные ему продукты; с другой стороны, Годвин предполагает и нового человека, полного доброжелательства к своим ближним и лишённого хозяйственного эгоизма. Высокая производительность труда дает возможность отдельной личности обходиться без помощи себе подобных, а отсутствие хозяйственного эгоизма приводит к тому, что все охотно делятся своими продуктами друг с другом, как члены одной семьи.

Действительно, только при наличии этих двух условий можно мыслить строй анархического коммунизма, как его рисовал себе Годвин. Не только человек должен стать совсем иным, но и техника производства должна достигнуть такого уровня, чтобы каждый мог без помощи себе подобных создавать все ему нужное. Если же для производства требуется общая работа многих лиц, то необходимо какое-либо общественное регулирование процесса производства, а значит, неизбежна и общественная власть, отрицаемая анархизмом.